Не успел Рон дополнить своё лживое признание ещё более лживыми заверениями в том, что с ним всё в порядке или, по крайней мере, всё будет в порядке, как Рон оказался у локтя Гермионы, с ужасом взирающей на растерзанный торс Гарри.

"Мерлиновы яйца, да ты и впрямь наложил на себя руки".

Гарри смущённо пожал плечами и только сейчас удержался от того, чтобы не скрестить руки на груди, что, несомненно, было бы болезненной и совершенно бесплодной попыткой скрыть худшие из повреждений. "Было ощущение, что под кожей ползают жуки, наверное, это был единственный способ, который я знал, как заставить их остановиться. Но сейчас я в порядке, все прекратилось, как только я проснулся".

Рон неуверенно прикусил губу. "Они не выглядят такими уж глубокими, но есть чем заразиться. Может быть, тебе стоит сходить к мадам Помфри, пусть она тебя подлатает".

Гарри отмахнулся от мысли покинуть башню. По мере того как распространялась весть о гибели Волдеморта, к воротам Хогвартса медленно прибывали надеющиеся волшебники и ведьмы: одни - чтобы убедиться в правдивости слухов, другие - чтобы предложить свою помощь в лечении раненых и восстановлении повреждений, нанесённых замку, третьи - чтобы воссоединиться с близкими, но были и те, кому не повезло: они пришли забрать своих погибших. Это были те, кого Гарри уединился в башне, чтобы избежать, те, кто смотрел на него обвиняющим взглядом, когда слёзы увлажняли их щёки, а в ушах звучали пустые соболезнования от миллиона людей, которым всё было безразлично. Он избегал их, потому что знал, что их обвинения были небезосновательны, что, возможно, будь он чуть быстрее, чуть смелее, их родные, их сыновья, их дочери, матери и отцы были бы живы.

Гермиона, прекрасная, понимающая Гермиона, казалось, почувствовала причину его колебаний и предложила альтернативный вариант. "Или я могу это сделать, у меня ещё осталось немного диттани".

Гарри с готовностью кивнул. "Да. Да, давай так и сделаем. Но, может быть, позвольте мне сначала принять душ, я смогу смыть всю эту кровь и дать вам лучшее представление о том, с чем вы работаете".

Гермиона не выглядела полностью убеждённой, несомненно, ей очень хотелось избавить его от следов на торсе, ей никогда не нравилось видеть, как страдают её друзья, но Рон кивнул и мягко обхватил её руки, чтобы направить обратно в спальню.

Рон мягко улыбнулся Гарри, хотя улыбка и не достигла его глаз, когда он протянул руку, чтобы взяться за ручку двери. "Не торопись, я буду отгонять её как можно лучше".

Дверь с тихим щелчком захлопнулась, и Гарри наконец-то позволил сползти с лица болезненно-фальшивой улыбке. Он бросил полубезучастный взгляд на башню с полотенцами, которую до этого разрушал, и с тяжёлым вздохом опустился на стул. Даров не было. Он мог провести остаток вечера, переворачивая корзины с бельём и разрывая спальни, но нигде в

гриффиндорской башне он их не нашёл. И всё же какая-то его часть, маленький, ноющий голосок в затылке, уверяла его, что они никуда не исчезли. Они не попали в руки неопытного волшебника, намеревающегося осуществить последний замысел Волдеморта. Дары исчезли, но они не были потеряны.

Исчезли, но не пропали. Эта мысль вызвала у Гарри недовольство: он больше не мог доверять собственному разуму.

Несмотря на то, что душевой лейкой, расположенной дальше всех от двери, скорее всего, не пользовались с начала нового года, прошло менее трёх секунд, прежде чем из неё полилась вода, достаточно горячая, чтобы облака пара разлетелись по всей комнате. Струя воды в считанные минуты смыла кровь, застывшую на коже, и напряжение, сковавшее мышцы, но он оставался под ней еще некоторое время. Сильный шум воды в ушах заглушил звуки, издаваемые Гермионой и Роном в комнате снаружи, и на мгновение он остался один, даже мысли не смели его беспокоить.

Но вскоре, слишком скоро, ему пришлось отказаться от спокойствия и выключить душевую лейку - в конце концов, Рон мог держать Гермиону на расстоянии лишь до поры до времени. На плечи Рона было накинуто одно из многочисленных полотенец, вытесненных во время поисков исчезнувших, но не потерянных Даров, и Рон стал осторожно поглаживать им свой торс. Ребристая плоть болела, каждое поглаживание полотенцем раздражало нежную кожу, но это было не так больно, как должно было бы быть, и беглый взгляд вниз показал, почему именно.

Словно в воду, в которой он принимал душ, добавили диттани, многочисленные неглубокие раны, которые он нанес себе, затянулись. Хрупкий слой кожи на них зажил, не оставив после себя никаких следов, кроме серебристо-розовых увядающих шрамов, и он был уверен, что через несколько часов и они исчезнут.

Было ли это побочным эффектом того, что он наконец-то избавился от случайного крестража Волдеморта? Теперь, когда он больше не вытягивал из него магию, он наконец-то полностью раскрыл свой потенциал? Но ни один обычный волшебник не обладал способностью к исцелению выше среднего, если не использовать некоторые заклинания, зелья и мази. Так было ли это следствием того долгого момента боли? Неужели то, что причинило ему боль, изменило его глубже, чем он мог видеть?

От этой мысли по позвоночнику Гарри пробежала тревожная дрожь: он вдруг перестал чувствовать себя комфортно в своей шкуре. Он был другим, он изменился на уровне, превосходящем поверхностность кожи.

Если посмотреть на своё отражение в слегка запотевшем зеркале, то отличия были, но не настолько радикальные, чтобы их мог заметить тот, кто не был так хорошо знаком с его лицом, как он сам. Глаза были слишком широкими, слишком зелеными, кожа приобрела бледность, которую можно было назвать лишь смертельной, и в то же время от нее веяло долголетием, жизненной силой. Но самая большая перемена не была видна невооруженным глазом, она ощущалась, но была почти осязаема. Тяжелый, словно вязкий дым, саван, от которого несло тьмой и смертью, но в нем не было ощущения зла. Не зло, но все же неправильно, потому что

это был не он.

Чем дольше он сосредоточивался на этой липкой ауре, тем больше ему становилось не по себе, и, по мере того как дискомфорт нарастал, он постепенно осознавал, что голоса снова рвутся на самый край его сознания.

"Остановись!" Гарри знал, что это слово не возымеет того же эффекта, что и в прошлый раз, когда он приказал голосам исчезнуть. Ему не хватало энергии и ярости, чтобы по-настоящему заставить их, хотя он был уверен, что последнее придёт в своё время.

В дверь тихонько постучали, выведя Гарри из задумчивости, и он поспешно надел отброшенные в сторону кроссовки для бега. "Гарри? Прошел уже почти час". Гермиона явно старалась подавить беспокойство в своем голосе, но слабые нотки его все же проступали в ее словах. "С тобой все в порядке?"

"Нет, то есть, да. Да." Гарри нервно прочистил горло. "Просто... мне, наверное, нужна помощь".

Последовала пауза, а затем: "Ты можешь отпереть дверь?"

Гарри даже не пошевелился, даже пальцем не пошевелил, но как только его взгляд метнулся к повернутой ручке, она отперлась. Он жалобно заскулил.

Гермиона вошла в туалет, Рон отстал от неё всего на несколько шагов, и сразу же сфокусировала взгляд на Гарри, неловко стоявшем перед рядом раковин. Она осмотрела его ещё влажные волосы, потёртые джоггеры, затем остановилась на его обнажённой груди.

"Ты сам себя вылечил? Ты знаешь, что я мог бы..."

"Я не исцелился. Это был не я". Гарри поморщился от почти истерического тона своего голоса. "Извини, я чувствую себя не в своей тарелке". Он сделал вдох, чтобы успокоиться. "Ты... ты слышишь это? Вы их слышите?"

Гермиона и Рон на мгновение остановились и прислушались, они не были уверены, что именно, но что бы это ни было, оно явно расстраивало их друга, и они хотели положить этому конец. Но ничего не было, они не слышали ничего, кроме собственного тихого дыхания. Гарри выглядел совершенно потрясённым, когда они сказали ему об этом.

Он с тревогой оглядывался по сторонам и говорил, перебивая дыхание. "Мне кажется, я схожу с ума". Он грубо постучал себя по виску. "Голоса, я слышу голоса. Я хочу, чтобы они прекратились. Я просил их, а потом сказал им тоже, но они не умолкают. Они не перестают".

Из горла Гермионы вырвался непроизвольный звук растерянности. "Что они говорят?"

Гарри покачал головой. "Я не могу их понять. Они слишком тихие, они шепчут".

Гарри был явно расстроен, всего несколько неправильных вопросов отделяли его от того, что потенциально могло стать приступом паники, и только невероятное упрямство позволяло ему оставаться таким спокойным так долго. Но тут Гермиона прикоснулась к нему - одной рукой к лицу, другой к внутренней стороне запястья, - и его неуверенный контроль над собой начал ослабевать.

Это было не больно, слава Мерлину, не больно, и всё же альтернатива была (по всей видимости) столь же плоха. Гарри потерял сознание, и приятная влажность, сохранившаяся после долгого душа, сменилась резким сухим холодом, заморозившим до мозга костей. Он был уже не в ванной, каким-то образом это простое прикосновение перенесло его в комнату. Темная и такая маленькая, что он не мог вытянуться, пока не лег на пол по диагонали, головой в один угол, а ногами в противоположный. Легкие влажно хрипели, наполняясь конденсатом, который выпадал при каждом вдохе, а все тело жалобно дрожало. Он слышал, как в комнатах (камерах?) вокруг него плакали другие. Кто-то плакал, кто-то кричал, но все они замолчали, когда раздался глухой стук, сопровождаемый резким понижением и без того арктической температуры. Смерть приближалась.

http://tl.rulate.ru/book/98824/3356654